

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова, В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

ИЮЛЬ 15 ПЯТНИЦА 1938 год № 39 (746) Цена 30 коп.

Сегодня открывается первая сессия Верховного Совета РСФСР

Социалистический парламент РСФСР

Сегодня начинает свою работу первая сессия социалистического парламента — Верховного Совета Российской Советской Федеративной Социалистической Республики.

В Москве, в Кремле, соберутся лучшие люди нашей республики, прославленные герои фабрик, заводов и полей, представители советской интеллигенции — ученые, писатели, поэты, артисты...

Всем еще памятен день 26 июня, когда великий и свободный русский народ шел к избирательным урнам, чтобы проголосовать за кандидатов неумируемого сталинского блока коммунистов и беспартийных и тем самым проголосовать за партию большевиков, под водительством которой распеваема наша страна. С особой силой продемонстрировали тогда трудящиеся единство и дружбу народов.

Кем бы ни был кандидат — коммунистом или беспартийным, молодым государственным деятелем или человеком, прожившим долгую жизнь и имеющим большой опыт: какая бы советская среда ни воспитала его — рабоче, колхозники или интеллигент — охотно и сердечно трудящиеся отдавали свои голоса избраннику народа, верному его сыну или дочери.

В факте избрания писателей депутатами Верховных Советов советские писатели увидели, как любит и ценит наш народ советскую литературу, самую передовую литературу в мире. Рядом со стахановцами Ильиным, Масленниковой, Иншаковым, рядом с замечательными представителями раскрепощенного крестьянства — Натальей Чимрой, Василием Костенко, рядом с талантливыми защитниками наших рубежей — славным танкистом Михеевым, Героем Советского Союза Юлиным, отважным пограничником Белоцерковен заняли в Верховном Совете место представители нашей самой великой в мире литературы — Михаил Кольцов, чье слово знают миллионы, поэт Лебедев-Кумач, чьи песни распеваются буквально во всех уголках страны.

В свое время величайший русский ученый К. А. Тимирязев писал, что наука победит лишь в союзе с демократией. Эти слова могут быть целиком отнесены и к литературе. Только в стране победившей демократии возможен настоящий расцвет литературы.

Друг против друга стоят два непримиримых лагеря — лагерь фашизма, с его проповедью человеконенавистничества, с его террористической диктатурой, ликвидировавшей жалкие остатки буржуазной демократии, и против него — лагерь социализма, с его широчайшими политическими свободами, с разрывной и последовательной до конца демократией.

Там, в лагере фашизма, — средневековые кресты, на которых сжигаются величайшие произведения мировой культуры — Гейне, Горького, Вольтера, Гюго, Руссо и многих других; здесь, в лагере социализма, — расцвет всех видов культуры.

Советские писатели написали прекрасные книги. Классик социалистического реализма Алексей Максимович Горький создал новое направление в мировой литературе. «Петр», «Тихий Дон», стихи Маяковского и многие другие произведения пользуются любовью читателей не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Книжки изданы огромными тиражами, немислимыми в других странах, и они раскупаются мгновенно. Почти в каждой рабочей семье можно увидеть библиотечку. Вот несколько цифр, характеризующих размах, который приняло издание художественной литературы в СССР за 20 лет.

За 20 предреволюционных лет в царской России книги Романа Роллана были изданы тиражом в 24 тысячи экземпляров. За 20 лет революции они разошлись в СССР в количестве 1.833 тысячи! Произведения Анатоля Франса, соответственно — 523 тысячи и 1.578 тысяч. Стихи Некрасова — 194 тысячи и 5.860 тысяч. Наконец, произведения величайшего русского поэта Пушкина — 9.165 тысяч в дореволюционные 20 лет и 26 миллионов 426 тысяч экземпляров, выпущенных за 20 лет революции! Все эти факты достаточно ярко говорят о том, что литература только тогда достигает расцвета, когда ее творят свободный и независимый народ.

Со всех концов республики съезжаются в Кремль депутаты страны. Они будут олицетворять собой весь советский народ. Их биографии — это биография самого народа. Социалистический парламент РСФСР призван управлять постоянно огромной державой. Территория нашей республики — шестнадцать с половиной миллионов квадратных километров. Республика имеет такую промышленность, которой могут позавидовать многие самые богатые государства. Гиганты Магнитогорска и Кузнецка, автомобильные предприятия в Москве, Горьком и Ярославле, наши заводы, производящие тракторы и комбайны, наши авиационные предприятия — все это гордость республики и все это воздвигнуто в горы сталинских пятилеток. А наши поля, наши деревни, пришедшие на смену деревням «Неделово», «Горелово», «Неурожайкам» «уезда Терпигоревна», «А наша русская культура, предшественница неопытного мифа мировой культуры. Нам есть чем гордиться!

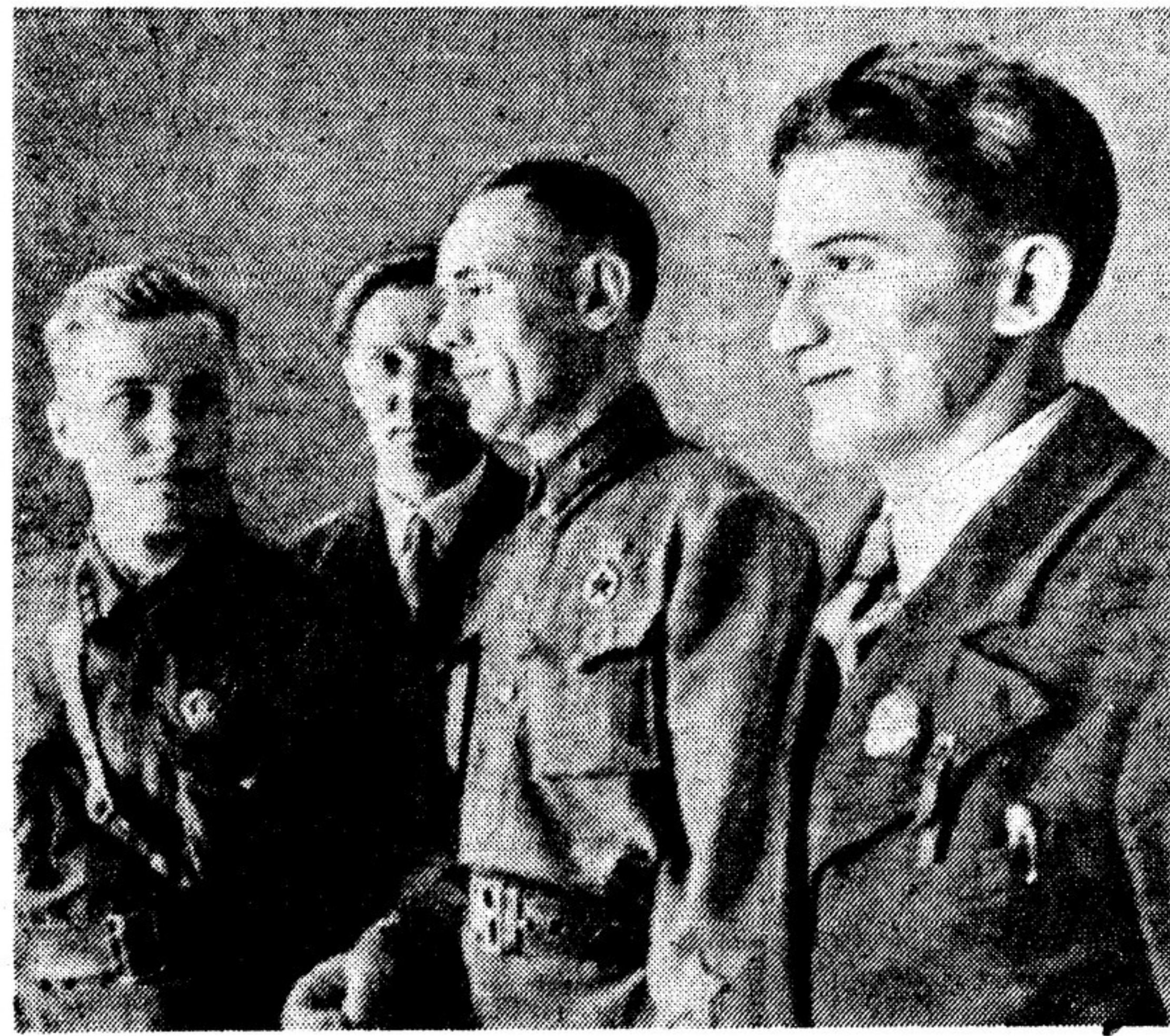
«Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы ее трудящиеся массы (т. е. 9/10 ее населения) познать до сознательной жизни демократов и социалистов». Так писал Владимир Ильич Ленин в 1914 году. Над этой задачей многие годы трудилась наша партия. Целый этот неустанной работы партии Ленина — Сталина мы познаем теперь, когда весь советский народ продемонстрировал на выборах свое моральное и политическое единство.

Сессия Верховного Совета РСФСР, открывающаяся сегодня, покажет образцы сталинского стиля работы. Простота, деловитость, высокая государственная мудрость — вот что характеризовало стиль работы сессии Верховного Совета СССР, прошедшей в январе текущего года. Этот стиль несомненно проявится в полном объеме и в работах сессии Верховного Совета РСФСР.

Этому стилю должен учиться каждый советский человек.

Работы сессии Верховного Совета РСФСР откроют еще одну страницу в истории нашей родины, которая день ото дня становится все крепче и сильнее.

Привет депутатам Верховного Совета РСФСР — лучшим людям нашей республики, избранникам народа!

Группа депутатов Верховного Совета РСФСР (слева направо): Герой Советского Союза В. А. Новиков — депутат Лукояновского избирательного округа, Горьковской области; П. В. Юрилов — секретарь Златоустовского горкома ВКП(б), депутат Златоустовского округа и бригадный комиссар Н. И. Толкачев — депутат Златоустовского сельского избирательного округа, Челябинской области; Мусанб Стальский — депутат Касум-Кентского избирательного округа, Дагестанской АССР.

Фото А. Грибовского (Союзфото).

С вашей песней...

Москва, поэту В. И. Лебедеву-Кумачу — депутату Верховного Совета РСФСР

Дорогой Василий Иванович!

С глубокой радостью мы встретили сообщение об избрании Вас депутатом Верховного Совета Российской Советской Федеративной Социалистической Республики.

Мы рады, что в Верховный Совет братской республики избран тот, чьи песни вдохновляют нас на новые победы в борьбе за счастье родины, зовут вперед и вперед.

Ваши песни знает вся страна. Их поют герои-пограничники и ударники колхозных полей, славные детки и стахановцы заводов, старик профессор и юный пионер — вся великая дружная семья народов необъятной нашей родины.

Пусть еще сильнее и звонче звучит Ваша песня, песня о социалистической Родине, о сердце родины — Москве, песня о счастливой молодости, о мудром вожде — великом Сталине.

Крепни, советская наша держава, Радуйся волевой землей человек, Ленину слава, Сталину слава, Партия слава вовек.

С Вашей песней мы будем бодро шагать по жизни, с Вашей песней пойдем на врага, если он задумает на нас напасть. Мы отдадим никому завоеваний Октября, записанных в Сталинской Конституции.

Как невесту, Родину мы любим, Бережем, как ласковую мать.

Н. АГАШЕНАШВИЛИ — стахановца швейной фабрики, депутат Верховного Совета Грузинской ССР.

Д. ПАПУНАШВИЛИ — летчик-орденоносца, командир 20-го отряда Закавказского управления гражданского воздушного флота.

Л. ТКАЧЕНКО — начальником кроватного цеха завода им. Калнина, депутат Верховного Совета Грузинской ССР.

П. ГЕЛАШВИЛИ — секретарь комитета ВЛКСМ паровозогорноремонтного завода им. Сталина.

Э. ГВАНЦЕЛАДЗЕ — орденосец, отличница 1-й средней школы им. Сталина.

Горячий привет и спасибо!

Тбилиси — Н. Агашенашвили, Д. Папунашвили, Л. Ткаченко, П. Гелашвили, Э. Гванцеладзе.

Дорогие товарищи!

Большое сердечное спасибо за привет и дружеские пожелания.

Ваше теплое письмо прозвучало для меня особенно радостно, как символ братского единения народных культур, как вестник сталинской дружбы народов.

Великие имена Руставели, Пушкина, Шевченко близки и дороги всем народам нашей великой Родины. Любый успех, любое достижение стахановцев Тбилиси радуется трудящихся Москвы, Киева, Минска, Еревана и других городов, как их собственный успех, как их собственное достижение.

Владимир Коккинаки и Полина Осипенко, П. Гудов, М. Виноградова и Н. Агашенашвили, Мамлекат Нахангова и Этери Гванцеладзе — все это дочери и сыновья нашей единой великой Родины, и, создавая себя детьми славной и могучей, свободной и счастливой советской державы, мы племем отныне для все смелей и все уверенней к светлому будущему. И никакие враги не смогут задержать нашего победного движения!

Легко шагать, когда чувствуешь, что твой шаг сливается с могучей поступью семидесяти миллионов. Легко и радостно идти, когда путь твой, как солнце, освещает родное и великое имя — Сталин!

В ответ на Ваше приветствие обещаю Вам работать, не покладая рук, на пользу нашего великого советского народа, на пользу нашей любимой Родины.

Я отдам Вам всю зовущую силу поэта, — Буду крепко работать и радостно петь! Обещаю Вам быть депутатом Совета, За которого Вам не придется краснеть!

Эти слова, которые я сказал своим московским избирателям, я с радостью и от всего сердца повторяю моим тбилиским друзьям.

Привет жизнерадостному, солнечному красавцу Тбилиси!

Горячий привет Вам, товарищи! Гаумарджос — сахарное слово мимолет халхэ! Вас. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ.

К работникам искусств и литературы

Обращение ЦК ВЛКСМ

Центральный комитет ВЛКСМ приветствует призы народных артистов РСФСР В. О. Массалитиновой, Р. Н. Симонова, И. А. Слонова и М. С. Нарокова ко всем работникам искусств — показав свое творчество в пионерских лагерях.

Наши пионеры и школьники хорошо закончили учебный год. Отдохнув за лето, несутся еще более успешно учебу. Организовать хороший, радостный, культурный отдых для пионеров и школьников — дело огромной важности.

ЦК ВЛКСМ призывает всех артистов, композиторов, музыкантов, писателей, поэтов, работников цирков, детских, кукольных театров, эстрады, кинематографии — помочь организации культурного, содержательного отдыха пионеров и школьников в летние каникулы, показывая свое творчество в пионерских лагерях, детских парках и на площадках.

Секретарь ЦК ВЛКСМ В. ПИКИНА.

Спасибо тебе, наша великая родина!

Только-что мы вернулись с многотысячного митинга трудящихся Новосибирска. Нас встретили здесь так же тепло, как и в Хабаровске, Спасске, Комсомольске. Мы выступили на митинге, рассказали собравшимся о своем перелете от Москвы к берегам Тихого океана. Участники митинга горячо приветствовали в нашем лице советскую авиацию.

С необычайным волнением приближаемся мы к великой советской столице. Всем нашим товарищам-летчикам, всем гражданам Советского Союза понятна та радость, с какой мы возвращаемся в Москву, откуда вылетели две с небольшим недели назад. Мы выполнили задание нашей родины, мы выполнили сталинское задание. Возможна ли большая награда, чем навеки презавишесся нам в сердцах строки:

«...Трудящиеся Советского Союза гордятся вашей победой. Обнимаем вас и ждем ваши руки».

Великий Сталин и его славные соратники поздравляли нас с блестящим выполнением правительственного задания. Мы были безмерно счастливы, получив эту телеграмму, счастливые, мы возвращаемся в нашу Москву.

Мы вылетели оттуда 27 июня — на следующий день после выборов в Верховный Совет РСФСР. Еще через две, когда вы читали в газетах первые сообщения об итогах выборов, мы уже совершили посадку на Дальнем Востоке. Мы рады вернуться в столицу в знаменательные дни, когда собирается первая сессия Верховного Совета Российской Федерации. Славные кандидаты сталинского блока коммунистов и беспартийных, лучшие сыны и дочери великого русского народа и других народов РСФСР прибыли сюда решать важнейшие государственные вопросы. Вместе со всеми трудящимися нашей родины мы уверены, что наши избранники-депутаты будут мудро и неторопливо, беря пример с Ленина и Сталина, разрешать все стоящие перед нами задачи, в том числе и те задачи, от которых зависит развитие нашей славной советской авиации.

Мы рады вернуться в столицу в те дни, когда все трудящиеся нашей родины в едином порыве еще раз демонстрируют свою великую сплоченность, единодушно полинявшись на заем третьей пятилетки.

В этом — один из залогов успешного выполнения плана третьей сталинской пятилетки, один из залогов наших новых побед. Кто не знает, что наши займы идут на дальнейшее расширение социалистического строительства, на укрепление обороны СССР? Они тратятся и на строительство таких прекрасных самолетов, как наша «Москва». Самолеты, построенные на бережливости трудящихся, вложенные в советские займы, летают и будут летать быстрее всех, дальше всех и выше всех в мире.

Мы были на Дальнем Востоке — в прекраснейшем социалистическом крае, крае огром-

ных неисчерпаемых богатств, колоссальных возможностей грозной, непобедимой крепости для врагов. Мы разговаривали с прекрасными советскими людьми — рабочими, колхозниками, бойцами. Эти люди — пламенные советские патриоты, эти люди — основа нерушимости священных советских границ на Дальнем Востоке. Пусть только сунется враг! С помощью могучей советской техники он будет беспощадно разгромлен и развален в прах!

Советская техника, советские люди приближали Дальний Восток к седьму году войны — Москве. Сейчас нам слово «дальний» в применении к Хабаровску, Владивостоку, Спасску уже кажется каким-то анахронизмом. Какой же он, Дальний Восток, в самом деле дальний, если его можно достичь за сутки? Ведь наш маршрут по воздуху и переключит десятки других советских летчиков. А если понадобится, — по зову родины тысячи космонавтов птиц, великих советскими летчиками-патриотами, через сутки будут на Дальнем Востоке...

Держите, братья-летчики, соколы страны социализма! Летайте выше, быстрее, дальше! Переключайте сегодня свои вечерние рекорды, а завтра — сегодняшние. Ведь мы все принадлежим к семье пилотов, обладающих счастьем летать в сталинскую эпоху. А это значит летать так, как никто никогда еще не летал!

Мы совершили свой перелет с мыслью о родине, с мыслью о Сталине. Как величественна и прекрасна наша родина! Где-нибудь за границей в течение суток можно облететь на самолете добрый десяток государств. А нам нужны десятки часов, чтобы облететь на скоростной машине лишь один советский Дальний Восток.

Мы непрерывно ощущали в полете ласковую руку страны, готовой в минуту опасности поддержать нас. Мы были быстры и уверены в себе. Эту быстроту вносила в наши сердца Сталин. Это ему — великому организатору побед советского народа — мы обязаны своей удачей. Великий и мудрый Сталин вдохновлял нас на этот далекий рейс, он забавлял учил и направлял нас, он воспитывал нас, как и всех советских летчиков. Чувствуя на себе его заботу, мы старались работать лучше, никогда не ограничиваясь уже достигнутыми результатами.

Мы проносили священное слово «Москва» — на крыльях своего самолета — через всю страну, через горы, тундры, леса, тайгу. Это слово близко и дорого всем трудящимся. Накануне нашего возвращения в красную столицу, мы говорим:

— Здравствуй, сердце нашей родины! Здравствуй, дорогие товарищи москвичи! Спасибо тебе, наша великая родина, воспитавшая нас — советских летчиков. Прими наш перелет, как скромный подарок двух твоих верных сынов.

В. КОКИНАКИ А. БРЯДИНСКИЙ НОВОСИБИРСК, 14 июля. (По телефону ТАСС).

К 45-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. В. МАЯКОВСКОГО «ДЕНЬ МАЯКОВСКОГО» В МОСКВЕ

Центральный парк культуры и отдыха им. Горького отмечает 45-летие со дня рождения поэта организацией 19 июля «Дня Маяковского».

В Зеленом театре парка в 7 часов вечера начнется массовый вечер трудящихся столицы, посвященный Маяковскому. А. Суворов выступит с докладом на тему «Маяковский и наша эпоха». Затем товарищи И. Сельвинский, В. Луговской, С. Карсанов, В. Катаев и П. Павленко расскажут о встречах с В. В. Маяковским и прочтут произведения, посвященные поэту.

В культурном парке в 7 ч. 30 мин. вечера состоится вечер на тему «Маяковский — гордость советской поэзии». На концертной эстраде организуются вечера «Маяковский и оборона нашей родины».

Сегодня, 15 июля, в культурном Центральном парке культуры и отдыха им. Горького открывается выставка, посвященная В. В. Маяковскому. Эта выставка организована филиалом Всесоюзной государственной публичной библиотеки им. Ленина и Государственной центральной библиотекой иностранной литературы.

18 июля в Зеленом театре Сокольнического парка культуры и отдыха после доклада А. Безыменского о жизни и творчестве В. В. Маяковского с воспоминаниями о поэте выступит Людмила Маяковская, Н. Асеев, С. Карсанов, Л. Раскин, М. Голубный, С. Васильев, С. Островой и П. Алтауэн.

На эстраде народного творчества будет проведен конкурс на лучшее исполнение произведений Маяковского самодеятельными чтецами. В конкурсе примут участие посетители парка, прошедшие испытание на предварительных соревнованиях. Лучшие чтецы будут премированы.

В лектории парка будет проведен вечер на тему «Маяковский в мировой литературе».

Могла устраивать в парке книжный базар, на котором будут продаваться книги Маяковского и других советских поэтов.

«Что вы знаете о Маяковском?» На эту тему будут проведены массовые литературные игры с посетителями парка. В различных уголках парка состоится беседа и консультация о жизни и творчестве поэта. В парке будут выставлены «Окна Роста» Маяковского.

В деревне Лермонтово

ТАМБОВ, 13 июля. В деревне Лермонтово (бывшее Тархань), Чембарского района, идет подготовка к исполняющемуся в будущем году 125-летию со дня рождения великого русского поэта. Ведутся работы по благоустройству усадьбы Арсеньевых, где жил М. Ю. Лермонтов, и восстановлению плотины, благодаря которой прилегающий к дому сад будет омыться большим прудом. Усадьба огораживается изгородью. Строится дорога, ведущая от главной магистрали к деревне Лермонтово.

Усилился приток экскурсантов. С начала мая нынешнего года дом, усадьбу и могилу великого поэта посетило 5 тысяч человек. Много экскурсантов приезжает из Москвы, Ленинграда и других городов.

Областные организации пока мало занимаются подготовкой к 125-летию со дня рождения Лермонтова. Комиссия, созданная еще в феврале Оргкомитетом ВЦИК по Тамбовской области, не обсуждала даже плана работы.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ ПОЭМЫ ШОТА РУСТАВЕЛИ

ТБИЛИСИ, 13 июля. На-днях вышло в свет портативное (карманное) издание бесценной поэмы величайшего грузинского поэта Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Книга выпущена издательством Тбилисского университета им. Сталина. Формат книги 7,5 на 11 сантиметров. На

434 страницах полностью помещены 1.669 строф академического текста поэмы. Книга издана оформлена, снабжена портретом Шота Руставели, исполненным в 5 красок, и иллюстрациями художника Ираклия Тоидзе. Тираж издания 10000 экземпляров.

Об открытии первой сессии Верховного Совета РСФСР

Открытие сессии Верховного Совета РСФСР состоится сегодня, 15 июля, в 6 часов вечера в зале заседаний Верховного Совета РСФСР в Кремле.

Единодушно подписываются НА ЗАЕМ ТРЕТЬЕЙ ПЯТИЛЕТКИ

Свыше миллиона рублей дали писатели, композиторы и работники издательства Москвы взаимному советскому государству. Подписка продолжается.

Вчера к часу дня на заем подписались 385 драматургов и композиторов Москвы на сумму 422.199 рублей. Драматург А. Каллер, ранее подписавшийся на 20 тысяч рублей, дополнительно подписался на 3 тысячи рублей. И. Прут подписался на 10.000 рублей. О. Леонидов — на 5.000 руб., В. Вильд-Белоперковский — 3.000 руб., В. Иванов, А. Бруштейн, С. Виноградская, Н. Крон подписались по 2.000 руб. Композитор Д. Блок подписался на 5.000 руб., композиторы С. Прокофьев, Д. Кабалевский, З. Фельдман и М. Блантер подписались каждый на 3.000 руб., композитор А. Александров — 4.000 руб., Д. Киппер и А. Шестер — по 2.000 руб. Народный артист СССР композитор Е. Глэр подписался на 6.000 руб., кинорежиссер И. Пырьев — 4.500 руб.

В группе писателей, «Молодой гвардии» и «Летизм» подписались на заем 93 автора на 49.700 руб. В группе писателей Гослитиздата подписались на заем

174 автора на 75.000 руб. Писатели И. Бабель, С. Сергеев-Ценский, В. Бахметьев, Л. Шеньковский, Э. Сяо подписались по 1.000 руб. каждый. А. Первенцев — на 1.500 руб.

В Государственном издательстве политической литературы на заем подписались 509 человек (около 100 проза.) на 177.490 рублей — 104,2 проц. трехнедельного фонда заработной платы. Кроме того, на заем подписались 9 неплатящих художников на 2.250 руб.

В издательстве «Советский писатель» на заем подписались 74 работника аппарата издательства на 33.245 руб. 48 сотрудников редакции «Литературной газеты» подписались на 25.035 руб.

Закончена подписка на заем в аппарате союза писателей СССР: подписались 50 сотрудников на 14.820 руб. Также закончили подписку на заем сотрудники центральной аппаратуры Литфонда СССР: подписались 47 человек на 16.850 руб.

594 работника издательства «Искусство» подписались на заем на 206.215 руб. Подписка среди работников издательства закончена.

Традиции русской критики

В. КИРПОТИН

После поражения декабристов нравы крити- ки в России стали на время весьма неприглядными. В журнальной литературе господствовал триумф Булгарина, Греча, Сениковского. Они продались третьему отделению, они бесстыдно заманивали подписчиков, потакая грубой и неразвитому вкусу, открыто гоняся за живую. Николай Полевой, способный и по своему яркий человек, попытался было создать действительно идейный орган — «Московский Телеграф».

Расцвет русской критики был связан с приходом в журналистику идеологов зрелой революционной демократии. Великий, Герцен, Чернышевский, Добролюбов превратили критику в могучее оружие эстетического и политического воспитания масс. Их статьи сосредоточивали в себе лучшие стороны русской образованности и гражданственности. Они направили основной поток русской классической литературы в русло реализма.

К этой же плеяде критиков принадлежал и Дмитрий Иванович Писарев, сменивший на журнальном посту Чернышевского и Добролюбова, младший богатырь среди старших богатырей русской революционно-демократической публицистики.

Юбилей Писарева вновь напоминает нам великие и плодотворные традиции классической русской критики. После ареста и осуждения Чернышевского, Писарев стал главным трибуном русской общественности. Почти каждая его критическая статья была настоящим событием. Что же придавало статьям Писарева такой огромный общественный резонанс? Конечно, не только личная талантливость. Писарев был талант, талант огромный, яркий, он писал легко, увлекательно, смело, он был превосходным стилистом. Но одного этого было бы мало, чтобы занять первенствующее положение в русской критике после Белинского, Чернышевского и Добролюбова. Писарев был продолжателем идейных традиций своих предшественников на новом историческом этапе. Он был критиком, но он понимал, что большой кругозор критику дает прежде всего политика. Все работы Писарева, о чем бы он ни писал, созданы под углом зрения примата политики. Политика освобождала его от цеховых присяжных литературоведов, она давала ему возможность мыслить в масштабе страны и ее исторических судьбах. Кто смотрит на события с эстетической точки зрения, — писал Писарев в статье о Гейне, — тот не может быть двигателем событий, так точно, как не может быть хирургом тот ребенок, который смотрит на ланцеты, как на блестящие игрушки». Политическая широта мышления сделала критика Писарева автором статьи о Шело-Ферроти, в которой он призвал к низвержению Романовых.

Для того, чтобы суметь соподчинить критику политике, необходимо обладать синтетическим мышлением о мире. Оценить в полном объеме важное литературное явление нельзя, оставаясь только в пределах эстетического ряда. Писарев был все-

сторонне начитан. В каждой его статье виден человек, который взвешивает обсуждаемую книгу с точки зрения и истории, и социолога, и литературоведа, и естествоиспытателя. — и все это в органическом единстве, а органическое единство ему давала философская точка зрения. Писарев был философом, ему принадлежит почетное место в истории материализма в России. Правда, по философским своим воззрениям Писарев стоит значительно ниже Чернышевского и Добролюбова. В его взглядах уже заметны черты сползания теоретического уровня общественной мысли после Чернышевского, снижения, особенно сильно проявившегося во время господства народничества и преодоленного только марксизмом. Но он является последним представителем большой критики XIX века, обладавшим относительно полным философским мировоззрением, которое по уровню своему стоит значительно выше, например, аклектической мещанин Михайловского. Деятельность Писарева при этом была пронизана жаждой практического дела. Да это и не могло быть иначе у политического мыслителя человека.

Писарев ненавидел схоластическое доктринство. Когда Писарев, будучи еще студентом, обратился к одному из профессоров с просьбой о руководстве его историческими занятиями, тот посоветовал ему читать по порядку энциклопедию Эриха и Грубера. Этого Писарев никогда не мог забыть. Он уважал и любил своего читателя. Он никогда не писал для того, чтобы показать свою образованность, чтобы заполнить книжку журнала. Он старался развить читателя, поднять его, сделать его самостоятельно мыслящим человеком, превратить его в передового деятеля родной страны.

В критике отжившего, старого, реакционного Писарев был беспощаден. «Что можно разбить, то и нужно разбивать, — писал он в статье «Схоластика XIX века», — что выдержит удар, то годится, что разлетится вдребезги, то хлам; во всяком случае, без напоро и палево от этого вреда не будет и не может быть».

Но Писарев вовсе не был безудержным «англичистом», разрушителем и только разрушителем, как это пытались представить его враги. Он имел программу деятельности, исторически обусловленную и исторически объяснимую. В этой программе были явные ошибки не только с точки зрения марксизма, но и с точки зрения идей Чернышевского. Так, в отличие от Чернышевского, Писарев игнорировал значения масс в истории, он считал двигателем исторического развития образованное меньшинство, отдельных личностей. Но все же Писарев всем существом своих воззрений был обращен в будущее, а известно, что без прозрения в будущее нельзя определить и нравы сегодняшнего дня. Правда будущего дала возможность Писареву дать победоносный бой реакции, правда будущего продвигала Писареву слова, которые с таким одобрением цитирует Ленин в «Что делать?».

«Разлад разладу рознь, — писал по поводу вопроса о разладе между мечтой и действительностью Писарев. — Моя мечта может обогнать естественный ход событий, или же она может хватать совершенно в сторону, туда, куда никакой естественный ход событий никогда не может прийти. В первом случае мечта не приносит никакого вреда; она может даже поддерживать

и усиливать энергию труждающегося человека... В подобных мечтах нет ничего такого, что извращало или парализовало бы рабочую силу. Даже совсем напротив. Если бы человек был совершенно лишен способности мечтать таким образом, если бы он не мог изредка забегать вперед и созерцать воображением своим в цельной и законченной картине то самое творение, которое только что начинает складываться под его руками, — тогда я решительно не могу представить, какая побудительная причина заставляла бы человека предпринимать и доводить до конца обширные и утомительные работы в области искусства, науки и практической жизни...»

Деятельность Писарева сейчас уже целиком подпадает под суд истории, и в то же время она — превосходная школа и для нашей советской критики. Уровень наших идей неизмеримо выше уровня идей Писарева. Мы руководимся во всей своей деятельности наложным компасом теории Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Но самый тип критической работы Писарева — ориентация на политику, ее синтетический характер, ее философская оснащенность, уважение к читателю, желание его воспитать и развить, обращенность к жизни, ее правда и ее смелость — является и сейчас поучительным.

У Писарева следует учиться той смелости, которую уважал в нем Ленин: перспективности критики, умению трезво, реалистически мечтать при исполнении каждой сегодняшней работы.

Критическое изучение творческого наследия Писарева — полезная школа для современной критики.

Маркс писал Энгельсу в 1860 г. о крестьянских восстаниях в России, как о единстве самых великих событий в мире. Это событие оказало могущественное влияние на все стороны русской жизни. В частности «Патение крепостного права, — говорит Ленин, — вызвало появление разнородных, как главного, массового деятеля и освободительного движения вообще и демократической беспартийной печати в частности». К числу таковых принадлежал и Писарев.

Родился Писарев в 1840 году в селе Знаменском Орловской губернии и воспитывался в помещичьей семье, чуждавшейся деревни и крестьян. После окончания гимназии в 1856 году он поступил в Петербургский университет. Студентом враждовал в среде консервативного кружка Майковских, а затем в бесцветно-либеральном кружке Трескинских. Сначала начал писать в журнале для девиц «Рассвет», затем в «Русской речи» и др. В 1859 году перешел в журнал «Русское слово», который благодаря участию Писарева стал одним из самых популярных журналов 60-х годов.

Революционный подъем начала 60-х годов в России оказался благоприятно на сознании многих людей того времени, и многие (в том числе и Писарев) увидели в охвативших страну крестьянских восстаниях каменную революцию. В написанной для нелегальной типографии статье против агента царского правительства Шело-Ферроти, выступившего в 1861 году с брошюрой против Герцена, Писарев призвал к революции. «Низвержение благополучно царствующей династии Романовых, — писал юный критик, — и изменение политического и общественного строя состав-

1 Социал. т. XVII, стр. 341.

Черты биографии

Н. БЕЛЬЧИКОВ

ляют единственную цель и надежду всех честных граждан. Чтобы при теперешнем положении дел не желать революции, надо быть или совершенно ограниченными, или совершенно полными в пользу царствующего ала».

За эту статью Писарев был заключен в Петропавловскую крепость, где он просидел 4 года 4 месяца и 18 дней.

Свои статьи он продолжал печатать в «Русском слове». В 1866 году Писарев перешел в журнал «Дело». Но вскоре покинул и этот журнал и по приглашению Н. Некрасова стал сотрудничать в журнале «Отчужденные записки». Жизнь и литературная деятельность Писарева оборвались неожиданно и внезапно. Он утонул 4 июля 1868 года во время купанья.

В основе философского мировоззрения Писарева лежал материализм, но материализм механический. Его авторитетами были Фохт и Молешотт. Изложению взглядов каждого из этих мыслителей Писарев посвящал специальные статьи.

В вопросах общественного развития Писарев был последовательным идеалистом и разделял взгляды Юстина Кошта и Боляя, о том, что «мысль и только мысль может переделать и обновить весь строй человеческой жизни». Поэтому Писарев постоянно проводил мысль о великом значении знания: «знание составляет ключ к решению общественной задачи и не в одной России, а во всем мире». Из всей совокупности знаний Писарев исключительное внимание уделял естествознанию, техническому процессу. Главной движущей силой общественно-исторического процесса, по мнению Писарева, были «мыслительные реалисты». Народ в глазах Писарева — пассивная масса, на которую надо воздействовать образованному меньшинству.

В эпоху борьбы с эстетско-дворянской культурой теория Писарева производила переворот в сознании читателей; находила себе преданных адептов и в известной мере оказала плодотворное воздействие на развитие русской общественной мысли. Но это была не линия крестьянской массовой революции, не линия Чернышевского и Добролюбова, а линия радикала, ненавидевшего крепостничество и паразит и считавшего необходимым вести борьбу во имя новых капиталистических, более прогрессивных, чем крепостничество, отношений силами «мыслительных реалистов».

Общественно-политические взгляды Писарева претерпели большую эволюцию. Сначала Писарев разделял умеренно-либеральные взгляды, позволявшие широкому кругу тогдашнего дворянского общества, затем в годы революционной ситуации в стране Писарев возмущается до признания революции; он эволюционирует влево, пишет революционную прокламацию-статью против Шело-Ферроти и в своих статьях «Схоластика XIX века» (вторая часть статьи 1861 г.; «Генрих Гейне» — 1862 г.) решительным тоном говорит о революционном действии.

В происходивших среди журналов спорах Писарев, в эту пору нарастания рево-

люционных и социалистических настроений, встал на сторону «Современника» и Чернышевского, направляя свои удары против Каткова, Дулышкина, Ап. Григорьева, против правого лагеря и «комически-пессимистической партии либералов» (выражение Писарева).

Вместе с ростом революционных настроений у Писарева произошел поворот в сторону социализма. Радиче убеждения в том, что «утопии коммунизма несбыточные и оскорбительные мечты», Писарев сменял на признание социализма. Он отвергает капитализм и принцип частной собственности. «Право собственности, — говорит Писарев в статье «Генрих Гейне», — есть право пользоваться и злоупотреблять». Но крестьянские восстания были беспощадно подавлены. Чернышевский, Михайлов, Серно-Соловьевич были посланы на каторгу. Писарев попал в каземат. Писарев разочаровывается и возлагает надежды на мирный путь преобразования социального строя при помощи естественных наук. Основные причины неустойчивости жизни, по мнению Писарева, заключаются в бедности.

«Чтобы разбогатеть, надо хоть немного улучшить допотопные способы нашего земледельческого, фабричного и ремесленного производства, т. е. надо поумнеть». Против темноты естественное средство — знание, т. е. естественные науки.

Обладая огромными знаниями и исключительными литературными талантами, Писарев был непревзойденным мастером популяризации. Могучий ум, смелый анализ, боевой тон полемиста, яркая образность и ясность в изложении мыслей, гимны социализму и смелая критика капиталистического гнета — вот что привлекало одних и отталкивало других от Писарева. Консерваторы и либералы ненавидели Писарева за «непочтительность» к авторитетам, за независимость суждений, за резкость тона; их пугали и прогрессивно-освободительные намерения автора.

Иначе расценивала Писарева профессиональная, радикальная и революционная молодежь. В Самария в статье «Д. И. Писарев» (1900) говорит о могучем влиянии Писарева на молодежь. «Учиться, учиться, будить мысль все дальше, шире, пока не проникнет в самые темные подвалы общественного знания, которые уже сами разрывают вопрос о голодных и раздетых людях, — в этом весь пафос проповедей Писарева».

Н. К. Крупская не раз указывала, что В. И. Ленин принадлежал к поколению, которое зачитывалось Добролюбовым, Писаревым, Чернышевским». «Писарев Владимир Ильич в свое время много читал и любил».

Больше того, В. И. Ленин в борьбе с Мартыновым и Кривичским в работе своей «Что делать?» сочувственно цитирует рассуждения Писарева о мечте, как предвозвестника действительности, и о плодотворном влиянии фантазии на творческий труд, взяв их из статьи нашего критика «Промехи незрелой мысли» (1864 г.).

1 «Комсомольская правда» 1935 г. № 227.
2 Н. Крупская — «Воспоминания о Ленине». Вып. I, стр. 179. Госиздат 1930.
3 См. соч. Ленина, т. IV, стр. 492—493.

Дмитрий Иванович Писарев.

Л. ПЛОТКИН

Творчество Д. И. Писарева

Писарев — один из ярчайших и своеобразнейших русских критиков. Талантливейший публицист с необыкновенно тонко развитым чувством стиля, язвительный и бесоглядный полемист, перед которым трепетали литературные противники, человек глубокого и зачастую безоглядного эстетического чутья — он вошел в традиционную историю литературы, главным образом, как разрушитель искусства. Буржуазные историки создали тенденциозный и односторонний образ мрачного, испуганного фантаста «нигилистической» доктрины. И. Иванов видел в Писареве носителя «трагических заблуждений безраздельно самостоятельного и юншески неопытного ума»¹. А. Волинский писал: «На смену Чернышевскому идет Писарев — новая сила, которая с безумным самоутверждением разлагается по еще неизвестному, но уже осевшему и трескающемуся азиану русской культуры»². Контрольно-полюционные, меньшинствистские фальсификаторы всячески поддерживали эту версию идеалистической историографии. В разрушении они видели главную суть деятельности Писарева и именно эту компетенцию они провокационно объявляли наиболее близкой марксизму.

Нам неясно в порядке юбилейного словословия нависает «хрестоматийный глянцевый» вид на великих деятелей прошлого. Творчество Писарева так ярко и содержательно само по себе, что оно не нуждается в панегириках и дифирамбах, приуроченных к потребностям календаря.

Теория разрушения эстетики бесспорно самая слабая и самая уязвимая сторона во всей деятельности Писарева. Здесь он исходил не из учения Белинского, Чернышевского и Добролюбова, не из священных традиций русской революционной публицистики, а из скудных и ограниченных

теорий позитивистов и вульгарных материалистов — О. Конта, Фохта, Молешотта и Бюхнера. Взяв за отправной пункт «естественные потребности» человеческого организма, Писарев произвольно устанавливал, какие из них правомочны и законны, а какие, напротив, подлежат уничтожению. Скульптура, живопись, музыка, словесное искусство не отвечают, по Писареву, насущным естественным потребностям человека. Следовательно, эти отрасли человеческой деятельности могут быть безболезненно уничтожены. «Разрушительные» парадоксы Писарева, по сути дела, таили в себе очень «благонамеренные» тенденции. «Вопрос в том, — писал он в статье «Прогресса по словам российской словесности», — какой человек полезен: тот ли, который покупает у художников картины и статуи, или тот, который на свои деньги заводит фермы и фабрики, а полученные барыши употребляет на завеление новых ферм и фабрик».

Теория разрушения эстетики привела Писарева в непростительно тяжким ошибкам в оценке Пушкина и Салтыкова-Щедрина. Необходимо, однако, со всей силой подчеркнуть, что установившееся обыкновение сводить эстетические взгляды Писарева только к отрицанию искусства — ложная и вредная традиция.

Революционное значение творчества Писарева заключалось отнюдь не в нигилистических парадоксах, — Писарев находился не только под влиянием «разночуждых вульгарного материализма». Он испитал могучее и благотворное воздействие Белинского, Чернышевского, Добролюбова, в деятельности его сказались боевой революционный дух шестидесятых годов.

Подъем революционного движения, сознание остроты социальных противоречий, пристальное внимание к проблемам общественного переустройства жизни, — все это сказалось в положительных требованиях, которые Писарев предъявлял к искусству. В установлении задач искусства, а не в разрушении эстетики — сила и значение его литературно-критической деятельности.

Писарев прежде всего решительно отвергает интуитивистские теории художественного творчества.

«Я решительно не признаю, — говорит он в программной статье «Реалисты», — так называемого бессознательного и беспредельного творчества. Я полагаю, что это — просто миф, созданный эстетической критикой для лучшей таинственности». Если в древности, когда поэт был певцом и импровизатором, еще можно было предположить, что его осенило вдохновение и что он сам не отдавал себе ясного отчета, как и зачем складывал его песня, то теперь такое представление о процессе художественного творчества обнаруживает свою полную несостоятельность. Но поскольку поэт творит свои произведения сознательно, обществу вправе ставить перед ним определенные задачи. Писарев не покидает мысль об острейших социальных противоречиях, которыми насыщена эпоха. Поэт, если он только хочет оправдать свое великое и почетное звание, обязан, по его мнению, все свои силы отдать на службу обществу, он должен проникнуться освобождением, он должен понимать вполне глубокий смысл каждой пульсации общественной жизни.

Главным объектом художественного воспроизведения должны быть противоречия социальной действительности — страдания человечества, как их называет Писарев.

Подлинный поэт, пишет он, не может «миновать тот громадный мир неподдельного человеческого страдания, который со всех сторон окружает нас сплошной темной стеной».

Склонности и вкусы олимпийских жрецов чистого искусства, которые отворачиваются с самолюбивым презрением от картин грязной нищеты и невольного порока и отзываются певучими нотами на трепетание влюбленного соловья, на благоухание расцветающей розы и на каж-

дый «грошевый вздох смазливой барышни», Писарев сравнивает с приторной и отвратительной приязнностью старой левы к кошкам, погулкам и моськам. Лишь раскрывая социальные противоречия и возбуждая в читателе ненависть к существующим условиям общественного бытия в тогдашней России, художник выполняет свою высокую гражданскую миссию.

Писарев полагал, что эту высокую миссию может выполнять реалистическое искусство. Он выступает противником романтизма, ибо романтизм, по его мнению, отводит глаза от крупных и мелких человеческих жизни и скрывает от людей настоящие потребности века. Романтизм он противопоставляет художественный реализм. Реализм в искусстве требует, по Писареву, от писателя знания жизни и притом знания не книжного, а опытного, вынесенного из действительности, оценочного и осмысленного талантом и размышлением.

Реализм предусматривает воспроизведение типических, существенных сторон социальной действительности. Случайное, при всей своей внешней правдоподобности, дает поверхностное иллюзорное представление о жизни, и поэтому оно не может быть объектом художественного творчества. «Многое, совершенно неправдоподобное, случается иногда в действительности, но мы не поверим художнику, если он представит на своей картине эти случайности и исключения потому, что исключительные положения не дают материала для типа, а только могут быть, до некоторой степени, объяснены случайным и странным стечением обстоятельств».

Признавая, что в основании литературного произведения лежит идея, выражающая отношение художника к жизни, Писарев, однако, приходит к выводу, что зачастую действительность, воспроизведенная настоящим, честным художником, опровергает субъективные тенденции писателя. «Созавая Базарова, Тургенев хотел разбить его врага и вместо того отдал ему полную дань справедливого уважения».

«Эта правда, — пишет Писарев в статье «Старое барство», — бывшая ключом из самых фактов, эта правда, прорывающаяся помимо личных симпатий и убеждений рассказчика особенно драгоценна по своей контрастной убедительности».

Писарев не устал подчеркивать важность для искусства глубокого идейного содержания: «Бесплодная поэзия, — говорит он, — бывает в то же время бес-

сильной поэзией». Бессодержательная поэзия является одновременно несостоятельной и в художественном отношении. Писарев с большой убедительностью показывает, как формализм, превращая художественную виртуозность в самоцель, одновременно само эту виртуозность уявляет. В статье «Генрих Гейне» он пишет: «Когда Гейне творит образы, не имеющие никакого, даже самого отдаленного отношения к борьбе за благо человечества, тогда он благовоит перед своею собственной виртуозностью и играет теми чувствами и мыслями, на которые называются яркие и роскошные картины... Но... благовоение не может оставаться глубоким и совершенно искренним, потому что предмет этого благовоения — художническая виртуозность — растрачивается на мелочи, которые сам художник признает мелочами, годными только для забавы. Следовательно, сама виртуозность — унижается и становится до некоторой степени смешною в глазах художника».

Отвергая самоцельную формалистическую виртуозность, Писарев борется за художественность произведения. Полным мерлом качества литературного произведения является для него степень **жизненности**. Чем естественнее, правдивее, жизненнее изображение художником действительности, чем больше она соответствует полноте реальности, тем выше произведение в художественном отношении.

Художественность, говорит он, «основана на понимании человеческой души, на психологической верности и естественности, с которой поэт воспроизводит явления внутренней жизни». Искусство имеет дело по преимуществу с миром «межлических отношений». Художник должен добиваться типичности литературного героя и внутренней, логической последовательности в развертывании образа: «Если романтист приписывает одному из своих героев какое-нибудь качество, а между тем это качество не выражается в его действиях, то мы имеем право заключить, что у автора не хватило сил воложить в образы то, что он выразил в отвлеченной фразе». Большое значение, по мнению Писарева, для произведения имеют композиционная законченность:

«Те люди, которых ум не поврежден рабскими отношениями к авторитетам и не вертится, как флюгер, подобно со всеми капризами эстетической моды, будут говорить постоянно, что стройность,

цельность и целесообразность составляют необходимые качества каждого замечательного произведения, в какой бы отрасли науки и литературы они ни принадлежали» («Генрих Гейне»). Каждый поступок героя, каждое слово его, каждая его мысль должны быть мотивированы и оправданы, должны находиться в полном соответствии с его характером, сложившимся в определенной социальной среде.

Анализируя реакционный роман Блюшопкова «Марел», Писарев в статье «Сербское бессилие» доказывает не только идейную несостоятельность, но и художественную беспомощность этого романа. «Все действующие лица — какие то куколки на пружинках; все говорит совсем не то, что они могут и должны говорить по своему положению и характеру; ответы не вытекают с вопросами; каждый говорит свою собственную чушутку, и вы никак не можете понять, какая побудительная причина выталкивает из него столь нежелательные и неправдоподобные звуки».

Существеннейшим признаком высокого художественного качества Писарев считал отсутствие риторизма, искренность, непосредственность, художественную простоту. Чем непритворней и добродней лирическая исповедь поэта, говорил Писарев, чем безыскусственнее его песня, чем проще ее звуки, чем в них меньше прикрас и флюорит, тем непосредственней и сильней впечатление, произвольное ею на душу читателя. Искреннее чувство не нуждается в риторических фигурах, оно само по себе, как противный молодой красавец белиза, румяна, вставные зубы и накладные косы. Искреннее чувство выражается просто, легко находит себе соответствующий образ в слове и непосредственно проходит в душу читателя и слушателя.

Легко заметить, что здесь Писарев выступал как пролетарий дела Белинского и Чернышевского. Утверждая же необходимость разрушения искусства, он отходил от традиций великих революционных демократов. Высокая мысль о подчинении искусства освобождению идеям века, неустанная и последовательная борьба за такую литературу, которая раскрывала бы острейшие противоречия социальной действительности и звала бы к преодолению отрицательных сторон жизни, обоготворение принципов критической реалиста, — именно эти стороны, а не эффектные «разрушительные» сенсационные действия Писарева одним из великих предшественников коммунистической критики.

1 И Иванов «История русской критики», ч. III и IV стр. 605.
2 А. Волинский «Русские критики», стр. 315.

ИСПАНСКИЙ ДНЕВНИК

(Отрывок из третьей книги. Полностью печатается в журнале «Новый мир»)

9 ИЮНЯ

Погода очень плохая, не летят ни Гаиде, ни Янгус.
Фашисты усиливают нажим на Бильбао. Они подходят к укрепленному посту. Бомсь, что «сентурон» не выдержит. Но в городе сравнительно спокойно.

9 ИЮНЯ

Гаиде решил лететь в полдень, а Янгус — в шесть вечера. Я сказал Абе-лю, что если к полудню не успею приехать на пляж, пусть улетает без меня. — вечером, в отеле Лафайет в Тулузе мы встретимся. Он взял мой багаж.
С боевых участков удалось вернуться только в три.

Когда в пять часов мы с Янгусом, с Карменом и с другими проживающими приехали в Ларедо, мы застыли при виде того, что открылось нашим глазам.

На берегу стоял и глядел вперед неподвижный, только очень вздохомачный Гаиде. Рядом с ним валялся, весь размокший, мой белый чемодан с одним обломанным замком.

В море, в полукилометре примерно, наполовину торчал из воды самолет Гаиде. Один мотор обломался и висел на какой-то трубе, как глаз, вырванный из орбиты. Одна нога с колесом тоже была поломана. К трупам самолета был пришвартован рыбачий баркас.

Что случилось, Абель?

Он рассказывал, медленно, с паузами, как ребенок со сна: приехал, загрузил машину, посадил пассажиров, не дождался меня, завел моторы, они работали отлично, долго пробовать не стал, чтобы не разогреть, и не трогать горючее, взлетел, взлетел хорошо, вышел на курс, стал отходить от берега, и тут вдруг сохли сразу оба мотора. Сразу, и в один и тот же момент. Ведь это никогда не случается, не так ли? Оба вместе, и в одно и то же время. Самолет стал падать, он с колоссальным трудом немного спланировал, ослабил удар. Все очутились в воде, выбрались из кабины, машина как-то чудом полудержалась на волнах. Люди уцепились к волнам, что падение самолета было видно с берега, рыбаки поспешили спасать. Еще две минуты, и самолет поглотил бы одиночество.

Что же случилось с моторами? Какая сволочь копалась в них?

— Я не знаю, — ответил Гаиде: — машину охраняли какие-то зеленые люди, те же, кто охраняют машину Янгуса. Надо расследовать. Надо вытаскивать машину на берег и обследовать моторы.

— Сахар, — сказала Янгус.
— Какой сахар?
— Они насыпали в бензин сахару.

— А вы откуда знаете?
— Я не знаю, а понимаю. Они насыпали в бензин сахару, это подействовало не сразу, а через несколько минут работы моторов, когда загудела палача. Это старый трюк.

Все посмотрели на него. Он больше ничего не сказал, только вымахнул рукой, чтобы выкатывали его машину на старт. Он подкал мизинец под ручку моего размокшего чемодана и на мизинце легко понес его. Странный человек.

— А у вас в моторах сахара не окажется?

— Не окажется. У меня механик почевал в кабине.

Гаиде и Кармен приедут парходом «Гаванна», на котором отправляют новую партию баскских детей. Гаиде стоит все еще расстрелянный и оробевший.

— Я люблю самого точного расследования. Я им докажу!

Ему кажется, что опорожена его пилотская квалификация. Он решил, что подвели меня, который рекомендовал его.

— Они могут справиться повсюду, где я работал. Никогда ничего даже отдаленно похожего не было со мной. Пойми, два мотора сразу, в один и тот же момент.

— Не волнуйся. Не о тебе идет речь. Дело ясное. Приезжай поскорее, доставь другую машину и летай дальше.

— Теперь-то уж я буду летать. Я им покажу!

— Лучше бы и вам дождаться «Гаванну», — вдруг обратился ко мне проживающий Вазиньо. До сих пор он мол-

ча наблюдал всю сцену: — У того сахар, у того мед, это, знаете, не смешно, это только в книжечке красиво подучается: «Мир приключений», издание Петра Сойкина. Санкт-Петербург, Стремительная уллица.

Меня и самого потянуло на «Гаванну»... Но Янгус уже сидел за штурвалом, винты шумели. Я занял свое место рядом.

Опять это Бискайское море; в четвертый раз, будь оно проклято. Но сейчас все шло, как по рельсам. Правый мотор почти не барахлил. Показался внизу большой военный крейсер «Балеарес» — кавалью на него Янгус. Сейчас он был в отличном настроении, не переставая, навистывал песенки. Мы обогнали крейсер великой подковой, на расстоянии его зениток.

10 ИЮНЯ

Большой корабль общества «Эр Франс» легко и плавно отчалил от зеленой гряды аэродрома. Четыре мощных мотора гудели глухо и спокойно; в просторной кабине, на широких креслах, у огромных окон сидело тихо, дремотно. На столиках валялись пестрые проспекты и пуветеловали, это линия Тулуза—Аликанте—Танжер—Рабат. Пилот равнодушно смотрел вперед, рядом с ним борт-механик читал газету. Я вспоминал, как Мигель Мартинес перебарывал в Барселоне по сложному маршруту. И «Мир приключений» между Байонной и Бильбао... Сейчас это было только заунывный маленький перегон солидного воздушного актриса.

Барселона дохла тяжелой зноем. Все попрыгало с улиц в тень. Заказал себе машину на Валенсию. В «Мажестик» я нашел Эрэнбурга, он изнемогал от духоты, он сказал мне, что вчера началось республиканское наступление на Уэску, ударной группой в этой операции служат сорок пятая дивизия, под командой Лукача-Залки. Известий с фронта еще нет.

Мы решили позавтракать вместе, он вышел куда-то по соседству и мгновенно вернулся. На нем не было лица.

— Звонят по телефону, — сказал он. — Будто бы Лукач убит.

— Кто звонит?

— Из Лериды. Будто Лукач и Реглер убиты вместе, в автомобиле. То ли снарядами, то ли бомбой с самолета.

Мы посмотрели друг на друга, не произнося ничего.

Я выдал из себя: — Это, наверно, утка. Здесь ведь любят сочинять, что кому вбредет.

Но мы не пошли завтракать. Машина на Валенсию тоже зажала. По телефону с разных концов передавали разные слухи и варианты, но все мало обнадеживающие. С Лукачом и Реглером, несомненно, что-то случилось. По одному варианту, Лукач погуб, а Реглер тяжело ранен. По другому — оба ранены. По третьему — погибло трое: Лукач, Реглер и Гейльбрунн, начальник санчасти у Лукача. Наступление на Уэску оборвалось.

Милый, милый Лукач, неужели это случилось?

Мы с ним виделись в последний раз на Гвадалахаре, в крохотной деревушке среди скал. Старинная церковь прилеплась на уступе скалы. «Юнкеры» кружились и рокотали, они хотели расклевывать штаб, бомбили скалы; он приказал вынести картины из церкви, чтобы они не погубили; вместе мы любовались наивной и страстной живописью неизвестного художника пятнадцатого века — святые напоминали одновременно торреадоров и влюбленных кабалеро. Я сказал: «А вот, в Москве есть такой венгерский писатель Мате Залка, ему бы попасть в эту тлушу, в эти сказочные места, описать и слать в Послительзат, вот бы там его обругали за уклон в экзотику». Он смеялся заразительно, детски: «Факт, обругали бы, Ми-

хавль Ефимович, как миленького!». Он завидовал, что я собираюсь в Москву, взглянул, просил обязательно повидать Веру Ивановну и Талочку, передавал тысячи приветов, забеспокоился насчет кооперативного дома на Нащокинском переулке.

В машине вынул из портфеля два письма без адреса на конвертах — их надо было передать лично в руки командиру двенадцатой бригады, ныне сорок пятой испанской дивизии. Одно письмо было заклеено, я положил его обратно. В другом, незакрытом, я прочел:

«Товарищ председатель домоуправления!

Должну, что у нас в доме № 3/5 все благополучно. Топить перестали по случаю весны. Ремонт фасада переднего — закончен. Боковые фасады — как были... Я, товарищ председатель, заменяю вас, как могу. И даже работаю с Натальей Николаевной — до вашего приезда. Жильцы очень довольны, они говорят, что я, Матвей Михайлович, нисколько не хуже тебя работаю, и даже превосхожу тебя. Так что перею мной открываются широкие перспективы. А серьезно говоря, — я по тебе соскучился и очень горжусь, что у меня есть такой приятель. Михаил Ефимович передает, как тебя любит. Одинадцать человек у нас выехали в Лаврушевский переулок. Пелике кланяется тебе. Целую и горжусь тобой, Матюша. Твой Виктор».

Машина петлила горными спиралями, возмываясь к Тортозе. Солнце безумствовало. Слева исчезла сверкающая голубизна Средиземного моря. На крутом повороте мы чуть не столкнулись со встречным автомобилем. Он остановился; вышел генерал Клебер. Мы сняли темные очки, пожали друг другу руки.

— Я еду принимать дивизию Лукача, — сказал он. — Приезжай ко мне.

15 ИЮНЯ

Лукача привезли. Его тело выставили в большом прохладном зале бывшей деуцетской семинарии, где теперь комитет валенсийского крестьянского союза. Вахмания пестрых южных цветов вокруг его бледного, потемневшего лица. На севере цветы умеют принимать скорбный, похоронный вид. Здесь они буйно и страстно кричат о жизни, опровергают смерть.

Под вечер его хоронили. Митинг провели на улице, в самом центре города, между вокзалом и ареной для боя быков. Запрудило движение, трамвайные звонки и автомобильные гудки превратили речи ораторов. Новый глава правительства Хуан Негрин, новый начальник генерального штаба полковник Рохе стояли у гроба. Ораторы говорили о том, что доблестный антифашист генерал Лукач вошел в историю испанского народа, как незабываемый герой. Почетная стража держала винтовки на караул. Несметная толпа слушала молча, обнажив головы.

Песня о Гансе Баймлере

Споем о Баймлере, друзья,
Кочается привал.
Кто Баймлера не знал, друзья,
Кто Баймлера не знал!

Споем, как впереди колонн
Бесстрашно шел, ребята, он,
как Ганс водел наш батальон
в жестокие бои.

На разных языках, камрад,
мы все здесь говорим,
Зато сердца у нас горят
желанием одним.

В твоей, Испания, борьбе
мы жизни отдаем тебе,
твоей судьбой обреты,
мы здесь ведем войну одну,
— но каждый за свою страну
с фашизмом жлет расправы.

Заложницей жена взята,
за ней гремят ключи...
— вернется сам за ней сюда,
— мечтают палачи.

Ганс говорит: — жена моя
мне дорога, как кровь моя,
что жилами бежит...
но ведь сегодня наша кровь
не нам принадлежит!

Так Ганс сказал.
Так Ганс любил.
Так шел на вражий мир.
Он под Мадридом споен был —
Наш славный командир.

Когда Германия страхнет
с могучих плеч
фашистский гнет,
и, вспомянув свой позор,
она прослышит нас,
и имя Баймлера она
поимет в этот час.

Споем о Баймлере, друзья,
Кочается привал...
Кто Баймлера не знал, друзья,
Кто Баймлера не знал?

Споем, как впереди колонн
идет, как прежде, с нами он,
наш Ганс ведег свой батальон
в последние бои.

«Мадрид наш»

Министерство народного просвещения Испанской республики организовало конкурс литературных произведений на тему о войне. Первая премия была разделена между сотрудниками коммунистической печати Хесусом Искарра, Клементе Сямора, Мариано Перла и Эдуардо де Онтаньян за 60 очерков, посвященных героической обороне Мадрида. Издательство «Нуэстро Пуэбло» («Наш народ») выпустило эти очерки отдельной книгой — «Мадрид наш», с предисловием генерала Миаха.

Собрание бойцов Интернациональной бригады. Фото из альбома «Год интернациональных бригад».

Долорес Ибаррури выступает на митинге бойцов. Фото из альбома «Год интернациональных бригад».

Рафаэль АЛЬБЕРТИ

КРЕСТЬЯНЕ

Они плут, сверкая смуглой кожей,
Которой, верно, не берет тонор.
С кременевой искрой их усмешка сложна,
А скрытность глубже, чем кельровский бор.

Козлом пестет от вымокших шишелей,
В мешках картошка и на ней песос,
И багаж походного тяжеле
Лепешки на подшовах их сапог.

Все те же они на мостовых столбах,
Что на полях в страду у шалашей.
Их кажется, как семечкой пшеницы,
Их ждут в глубоких бороздах трашеи.

Никто не отдает себе отчета,
Куда спешит, а полоспевши вблизи,
Находит ток, где до сельского пога
Молотят смерть, чтоб заработать жизнь.

Перевод Бор. ПАСТЕРНАКА

Мартин АНДЕРСЕН НЕКСЕ

Батальон Тельмана

Лиза Ляндбек, бывший секретарь Нансенского комитета, совершила героический подвиг: жила в Испании одной жизнью с бойцами Интернациональной бригады, разделяя с ними и радости, и неудачи, она описала переживания батальона им. Тельмана на фронте и во время переходов. Обычно история войны пишется после войны, за письменным столом; здесь — впервые — она написана на самом поле битвы и притою женщины!

Лиза Ляндбек рассказывает о великом мужестве; о себе она ничего не говорит. Но во время моего пребывания в Мадриде летом прошлого года мне рассказывали о ее бесстрашии. Однажды, когда она сидела и писала свои заметки, в воздухе просвистела граната и упала к ее ногам, позавыв возвращаясь. Лиза Ляндбек не прервала своей работы над историей батальона.

Книга Лизы Ляндбек исключительное произведение не только потому, что она возникла на поле брани, что она создана, так сказать, силой борьбы, она замечательна также и силой своего воздействия на читателя. Не так уж мало написано о так называемой гражданской войне в Испании, об этой отчаянной борьбе народа против фашистских государств-агрессоров, поспешивших на помощь мятежным генералам. Но ни одна из известных мне книг не дает более яркого представления о характере войны в Испании — этой решительной схватке между культурой и прогрессом, с одной стороны, и реакцией в ее самом зверном облике — с другой. Доброволец, отдающий свою жизнь за испанский народ, — это лучший защитник культуры. Знакомство с привлекательным Лизой Ляндбек документами, приказами и письмами, сам живешь жизнью испанского бойца, замираешь от боли при мысли, что у того, кто борется за будущее, за дело человечества, часто нет ничего, кроме реакции. Видишь невероятное противоречие между высокочеловеческой борьбой антифашиста и той тяжелой действительностью, в которой он живет, воспеившая его непоколебимой верой в победу справедливости и свободы, победу, несмотря ни на что, и с горечью думаешь о «демократических» странах, приравнявших свое убожество «немешательством».

Маленькая картинка: Небольшая ударная группа залегла, поджидая врага. Бойцы должны нанести первый удар и уже видят ползуущие на них танки. «Вот было бы здорово, если бы у нас была пара противотанковых пушек», — говорит один. «Противотанковые патроны к ружьям тоже нетурно», — подхватывает второй. «Да, хотя бы и несколько ручных гранат», — вставляет третий. Ничего этого у них нет. «Бутылка, до половины наполненная бензином, тоже хорошо действует, если ее зажечь и правильно бросить», — говорит аустрийский горняк. «Бензин у нас есть!» Но у них нет спичек, и они должны идти в атаку с голыми руками. Несмотря на это, они удерживают позицию. Это обходится дорого: больше половины из них погибает! Мировая «демократия» возмущается из горючего бешеных человеческих сердец.

Маскировка, обман, все демократические приемы фашизма старательно соблюдаются реакцией во всех странах. Временный успех фашизма зависит от его способности маскировать свои человеконенавистнические цели. Человечество — естественный очаг всего демократического развития — начинает распознавать опасность в пыльном сорняке. Защищаясь против него, оно черпает силы в правдивом и точном изображении действительности.

Разве не преступление — сеять ядовитые слухи о положении в Испании для того, чтобы скрыть истину или даже просто нанести ущерб испанскому народу в его освободительной борьбе. От мелких ядовитых брызг «свободомыслиющей» газеты социал-демократов «Политикен» и до наиболее отвратительных высказываний рупора

реакции «Националь Тиденге» — вся буржуазная пресса пытается скомпрометировать международное значение борьбы испанского народа.

Испанская пословица гласит: «Для хорошего парня большая честь, если его ругают свинья». Гнусная клевета реакционных газет о батальоне Тельмана и о книге Лизы Ляндбек неспособна вызвать никаких других чувств, кроме отвращения.

Экспонататоры с бычьими затылками рассчитывают с помощью своей гандейкой демографии снова заткнуть в подлобье человеческую мысль и продолжать попарить ногами целый народ. Но ни это, ни другие более грубые средства не заглушают. В «Батальоне Тельмана» мы читаем о том, как реакция расправляется с испанским народом. В одном городе, освобожденном батальоном Тельмана, сторонники Франко расстреляли 3 тысячи жителей из 13 тысяч. Из оставшихся в списке военных газет видно, что 13 граждан города были расстреляны на площади. Это было своего рода «глаза» — представление для офицеров Франко, которые тановали вальс среди окровавленных трупов. Фашисты хотели таким образом устрашить население. Но это имело обратное действие. Зверские методы реакции возмущают даже самых пассивных и наполяют их гневом. Страница за страницей показывает нам книгу Ляндбек, как все честные люди Испании постепенно становятся под знамена республики.

Гелло и Ниньо — так зовут молодую чету, борющуюся рука об руку. Гелло — 16 лет, Ниньо, ее мужу — 20. Его тяжело ранят, и она сопровождает его в лазарет. Там они узнают, что он не выживет. Он уговаривает ее немедленно вернуться в батальон: «Ничего не значит, что я умираю таким молодым», — говорит он. — «Я знаю, что ты смогу лучше продолжать борьбу за наше дело». Через 12 часов 16-летняя вдова снова в батальоне и продолжает борьбу.

Писатель Илья Эрэнбург рассказывал недавно об одном немецком летчике-офицере, захваченном в плен. Летчик бомбардировал мирную деревню в тылу и убил 18 женщин и детей. Когда у него спросили, зачем он это делал, летчик ответил: «Чтобы испытать действие бомб с различной высотой, а до людей мне нет никакого дела!»

Это ответ не отдельного человека, это ответ фашистской реакции, ее звериное презрение ко всему гуманному, к человеку.

Многие из нас, латчан, испытывают чувство стыда за отношение Латвии к борьбе испанского народа. Отдельные люди сделали слишком мало для помощи Испании, правительство же ничего не желает делать. Поэтому нас радует, когда мы узнаем из книги Лизы Ляндбек, что наши земляки и товарищи стоят в самых первых рядах бойцов. Латская демократия обязана выразить глубокую признательность людям, отдающим свою жизнь за идею свободы.

Лиза Ляндбек называет имена некоторых из героев-латчан. Ударная бригада из десяти латчан просит, чтобы ей разрешили первой идти в Кинто и уничтожить пулеметное гнездо фашистов. Шесть из этих отважных бойцов погибают! Свободолюбивые граждане Латвии должны были возмутиться им и всем товарищам, спасшим честь нашей страны своей борьбой в Испании, прекрасной памяти, лучше всего в виде фанзы помощи латчанам, борющимся в Испании, и их семьям.

Каждый, в чьей груди бьется человеческое сердце, должен прочесть книгу о батальоне Тельмана.

Книга о батальоне Тельмана важнейший документ испанской освободительной борьбы. Эта книга, где повествование о героической борьбе простых людей за большое простое дело человечества изложено в виде коротких записей из блокнота, подходит на прекрасное стихотворение, на замумительную поэму.

Нордаль ГРИГ

Среди нас преступники

Мы знаем, что большая часть норвежского народа гнет самые горячие чувства к республиканской Испании. Говорят: мы солидарны с испанцами в их борьбе с фашизмом, их победа — наша победа. Однако попробуем бросить беглый взгляд на важнейшие «благотворения», оказанные официальной Норвегией Испанской республике.

Прежде всего мы вместе с другими европейскими демократическими государствами поставили республиканскую Испанию вне всякого международного права. Испания является единственной страной в Европе, которая не имеет возможности получить оружие для защиты своей независимости.

Есть у нас норвежский посол в Испании. Как это его странно, но он уже долгое время проживает в маленьком французском городке Сен Жан-де-Лос. «Случайно» этот городок находится на границе с частью Испании, захваченной Франко. В Барселоне у нас есть поверенный в делах и секретарь посольства. Она из важнейших его обязанностей заключается, без сомнения, в заботе об испанских фашистах, которые скрываются в норвежском посольстве в Мадриде. Как известно, по инициативе немцев жилище норвежского посла было превращено в убежище для врагов республики. Сейчас там находится 500 человек. За питание фашисты платят сами, но бензином, на котором автомобили с

привантом должны отправиться из Барселоны в Мадрид, их обязано снабжать испанское правительство. Бензин теперь в Испании дороже золота. Республиканские суда, груженные нефтью, пускаются фашистами на дно, единственными людьми из норвежского посольства бомбардируют склады бензина и часто удачно. Случается, что днем не видно солнца из-за дымовых туч над испанскими портовыми городами. Но так как Норвегия «благословенная страна демократии», то в течение полутора лет мы доставали достаточно бензина нашим протеже в Мадриде.

Наша страна сотрудничала с испанским правительством также и в других областях, например, в деле переговоров о возмещении убытков за судно «Гульвер». Это судно находилось в гавани мятежников в Севилье, дело шло о торговле с Франко. Правительство испанские самолеты бомбардировали порт, судно было повреждено, несколько человек убито.

Казалось бы, что это дело исключительно касается судовладельца, который, исходя из хорошо взвешенной жажды наживы, осмелился рисковать судном и экипажем, чтобы торговать с людьми, стоящими вне всякого закона и права. Но нет.

Норвежское правительство послало республике требование о возмещении убытков. Поскольку мы известны из испанских источников, Норвегия получит около 150.000 крон. Почему Испания платит эти деньги, на получение которых мы, исходя из правовых норм, вряд ли могли бы рассчитывать? Ответ заключается в том, что Испанская республика в своем отчая-

ном одиночестве делает все, чтобы показать, что она является страной гуманитарной демократии. Можно, пожалуй, сказать так, что в этом деле мы хорошо сумели наживиться на мученичестве других. Эти несколько черт характеризуют нашу официальную «солидарность» с истекающей кровью Испанией.

Но есть в Норвегии люди, которые хотят по-настоящему помочь республиканской Испании. Среди рабочих проводились сборы денег, было собрано 700.000 крон на больницы и детские дома в Испании. Эти деньги были даны от всего сердца.

У нас есть добровольцы и сочувствующие им, за которыми теперь гонятся норвежская полиция. Их изображают в самых мрачных красках, «молодые люди, мол, создаются хорошей платой а иногда также и вином», — пишут газеты. А перспективы для солдат — нужна действительная сила характера, чтобы отказаться от них, — 20 пает в день.

Некоторые поехали туда за своим счет, другим товарищи насрелили необходимую сумму, чтобы добраться до Осло до испанской границы — это стоит около 150 крон. Но вино, господа, вино! В газетах пишут, что их угоняют вином. В этом пункте никакая защита, конечно, невозможна. Несомненно, они распивают одну или две бутылки вина с товарищами в последний вечер перед отъездом, и в их оправдание можно сказать, что ведь они отправляются в далекое путешествие. Но нас восхищает тонкое искусство журналистов (все они, конечно, до трогательности трезвенники), искусство, с каким они наемались на то, что дело тут идет о бездельных людях, которых в мертвящих пьяном виде погружают на суда в Антверпене.

В одну ночь добровольцы перешли Пяренеп. Их жалованье в народной армии — 20 пает в день, этого достаточно для того, чтобы купить табак (когда он имеется), мыла и кое-что из платья. Их ближайшие перспективы: болезнь и смерть.

Но может ли кто-нибудь из людей желать себе зла, и не правильно ли, что шеф полиции Свеев арестует их и пресса их клеймит по заслугам? На это можно сказать только одно: если бы война разразилась в нашей стране, то Свеев наверняка арестовал бы тех, кто отказывается принять в ней участие. Тогда болезнь и смерть сразу превратились бы в понятия чести и красоты. Но разве Свееву дано понять, что, защищая Испанию, они защищают демократию во всем мире, и притом демократию в самом высоком понимании этого слова?

Раздаются крики о том, что есть ведь параграф закона, подписанный нашим правительством, который запрещает этим людям бороться за испанскую демократию. Это верно. Но есть и другой параграф закона, также принятый нашим правительством, который гласит, что наше участие в Лиге наций обязывает нас всячески поддерживать подвергшееся нападению государство.

Я не хочу здесь советовать кому-нибудь ехать в Испанию. Но я хотел этими стрихами только внести ясность в то, что пишут о добровольцах. Мы должны чувствоваться к ним величайшее благоговение. В окопах и госпиталях я слышал политические беседы маленьких одиноких групп скандинавов, и нигде я не видел более благородного и высокого стремления к справедливости.

Бомбовозы ежедневно кружат над городами Испанской республики, люди и их дома превращаются в груды развалин, окровавленные дети лежат на улицах. Это делают преступники, а мы — ты и я — мы преступники потому, что мы допускаем. И поэтому легко понять, что даже самые радикальные люди испытывают чувство неприятия, даже ненависти при мысли о добровольцах и говорят: хватайте их за то, что они не преступники, как мы все.

Из сборника «Норвежские добровольцы в Испании», Осло, 1938.

Полюе гири

Вместо обзора журнала «30 дней»

О. ВОЙТИНСКАЯ

Есть у нас книги, написанные по литературным ассоциациям. Писатель...

благодаря эгоистичности идеалов и неостаточно пониманию героичности советской жизни.

«И вот Василий Иванович Катутский — типичный представитель социальных выродков в советских условиях».

твой удел — разбитый, ветхий паровоз и всеобщие осмеяние.

И у такого писателя в рассказах тоже «пахнет сеном, высушенной травой и заподальными цветами».

В маленьком деревенском городке Эволюнке работница Маруся неудачно вышла замуж.

Следует социалистическим идеалам, Соловьев разоблачает подлость «сильной эгоистичности личности».

«Есть ли вы честный и смелый молодой человек? — спросил Вальде».

Перед читателем предстает картина нравов городка Эволюнка, написанная рукой талантливой художницы.

Вот каким были «прозаические будни» городка Эволюнка, которых не замечал Михаил Эволюн.

Собравшие мастеров выносят Михаилу порицание. Начальник объявляет ему выговор.

«Поднималось солнце над Михайлом, над Клавдией, над Эволюнским».

Оверова на протяжении почти всего романа преследует неудача.

Василий Иванович Катутский-Липардин, эгоистичный герой «Записок из подполья».

«Вот почему же пролетарий Михаил Эволюн мог только пролетать жалкие слезы».

«И в это время происходит чрезвычайно важное событие в жизни Оверова и Клавдии».

Приходилось ли вам, кня в темноте, поднять ногу на ступеньку и вдруг почувствовать, что под ногой — пустота, воздух, и вы уже на площадке?..

«Есть ли вы честный и смелый молодой человек? — спросил Вальде».

«Поднималось солнце над Михайлом, над Клавдией, над Эволюнским».

«Вот как неумело Гаецкий переписывает Аненкова».

«Вот почему же пролетарий Михаил Эволюн мог только пролетать жалкие слезы».

«Вот почему же пролетарий Михаил Эволюн мог только пролетать жалкие слезы».

Ю. СЕВРУК

КНИГА, ПРОБУЖДАЮЩАЯ ЛЮБОпытСТВО

В. Лапин, Л. Славин и З. Хавревин дали втроем в Монгольскую народную республику. Они написали сценарий фильма «Сын Монголии».

Оказывается, в Монголии есть брачные монахи, перебивающиеся на велосипедях. Оказывается, на большом монгольском тракте «встречаются монахи, козья, стада антилоп, машины, путники и топографические знаки».

«Да, бог здесь были целые роты. У белых пастухов просто кружились головы, когда они глядели на привороженные кумиры».

«Вот почему же пролетарий Михаил Эволюн мог только пролетать жалкие слезы».

«Вот почему же пролетарий Михаил Эволюн мог только пролетать жалкие слезы».

«Вот почему же пролетарий Михаил Эволюн мог только пролетать жалкие слезы».

Плохо, Лавров и Паньков!

На испытаньях по русскому языку и литературе в 60-й школе Киевского района Москвы ученикам X класса была предложена для синтаксического разбора следующая фраза: «Улица Герцена — изучение Герцена».

Может быть, для разбора это удобное предложение. Нам все-таки кажется, что любая фраза помимо подлежащего, сказуемого и второстепенных членов предложения должна содержать в себе и смысл.

Однако главное не в этом. Присутствующая на экзамене в качестве ассистента В. Печаяева спросила ученика:

— Что вы читали Герцена?

Вопрос этот привел преподавателей в состояние раздражения. При чем тут Герцен? Герцен им интересен не как писатель, а как член предложения.

Кстати оказалось, что Герцена ученики X класса не читали и вообще о Герцене знают только то, что он был помещиком, но сам «против помещиков».

Задно выяснилось, что ученики X класса, т. е. взрослые юноши и девушки, считают Грибоедова писателем XVIII столетия, что о существовании некоего Достоевского они просто не слышали, что называть драматические произведения Пушкина они не могут так же, как и перечислять произведения Гоголя, что строка: «и пращ, и стрела, и лукавый кинжал» кажется им безусловно принадлежат Лермонтову, что письменные их работы украшены перлами вроде: полетка, растасковать, отакующий, дактиль и т. п.

Зато они с чрезвычайной бойкостью клеят Александра Блока за то, что он «облицетвляет город с точки зрения дворянина», высмеивают статью полковника С. Гурова «Наступление в современную войну» и полковника Н. Попова «Военно-экономические ресурсы и вооруженные силы Японии».

В номере печатается также статья Эми Сео «Литература и искусство современности Китая».

В июльской книге «Красной нови» будет начато продолжение романа, начатых печатанием в июльской книге, — А. Макаренко «Флаг на багнях» и В. Бахметьева «Наступление».

Из новых произведений в июльской книге «Красной нови» печатается рассказ Виллы Брелли «Вот батальон Ливкольна и К. Паустовского «Михайловские рожи».

В июльском номере «Октября» наряду с продолжением «Собственнопольской страды» С. Сергеева-Ценского начинается изложение — новый роман Ю. Слезкина «Огненная точка». В номере печатается также повесть Ю. Либендинского «Снабь Буташева» и «На Западе» С. Соловьева (путешествие советского инженера).

В критическом разделе журнала — статья М. Серебрянского о Вл. Маяковском.

В седьмой книге «Знамени» беллетристическими новеллами Евг. Колесникова. Весь отдел состоит из небольших новелл и рассказов, оригинальных и переводных. Из иностранных авторов в номере — Эрнст Хэммингуэй «Каким вы не будете». Много новелл и рассказов на оборонную тематику советских авторов.

В июльской книге «Знамени» печатается первая корреспонденция Вл. Рогова из Китая «Китайские записки». Редакция обещает в дальнейшем систематически печатать «Китайские записки» Вл. Рогова.

В июльском номере «Молодой гвардии» будет напечатана переводная повесть Поля де-Крюи «Болезнь, плащаница казней».

В Гослитиздате Украины в Киеве вышла новая книга стихов Леонида Первомайского «Новая зорька». Книга имеет подзаголовок — 1934—1937.

В книге следующие разделы: — Песни. Страна пилотов. Из испанских песен. Четыре новеллы. Из Памирской тетради. Шесть имен. Стихи без названия. Венгерские распольки. Творцы. Родина. Молодые братья. Скала об Иване Голыке. Другая и знакомые. Последний раздел — это переводы стихотворений Пушкина, Лермонтова, Гейне, Гюго и Петерфи.

Книга вышла тиражом в 8550 экземпляров, издана хорошо. В производстве книга была очень долго — с 5 апреля по 30 декабря 1937 года, т. е. без малого 9 месяцев.

В основном участники сборника — члены группы молодых писателей, которые творчески руководит А. Барто. Исключением составляют В. Кузнецов и Е. Станет. Их стихи приплыли в Дзидзидат «самостоятельно» и были отобраны редактором сборника.

В Кузнецов прислал свои стихи «Бавар» из Челябинска, сейчас эта сказка вышла отдельным изданием на Урале.

Е. Станет — начинающая сибирская поэтесса — ее стихотворение «Медведица», помещенное в сборнике, перепечатано в «Сибирских огнях».

Из участников сборника А. Створачик ранее печатался в «Крокодиле». В сборнике он дебютирует тремя стихотворениями: — «Зеркало», «Письмо» и «У синего моря». Его дебют в качестве детского писателя, несомненно удачен.

С. И.

Находясь в печати также книги — сборники стихов и рассказов молодых писателей.

В школьной серии Детиздата вышел сборник стихов и песен Сулеймана Стальского. Вступительная статья к сборнику написана П. А. Павленко.

«Чужой»

13 июля вечером в театре Ленсовета состоялся премьерный спектакль по пьесе В. Соловьева «Чужой» («Семейная хроника»). Пьесу поставила режиссер Страдомская, художник — Кноблок.

В Ленинграде сейчас ставится в театре под руководством Радлова, режиссер — Головинская. Премьера спектакля в Ленинграде — в начале сезона.

Пьеса «Чужой» принята к постановке театрами Киева, Харькова, Баку и т. д.

равился преподавателю словесности Лаврову и директору Панькову, т. е. людям, в первую голову ответственными за успехи и развитие учеников 60-й школы.

Они отправили начальству Печаяева опровержение, написанное в стиле джыво и не очень грамотного доносца.

«Все вопросы Печаяева, — пишут они, — были... неожиданными».

В 60-й школе не любят неожиданных вопросов вроде того, когда жил Грибоедов и что написал Гоголь.

«Дальше, — со скрытым негодованием пишут авторы этого удивительного письма, — следовало почти каждому ученику вопросы о **внеклассном чтении**».

Подчеркнуто авторами письма. Подумайте: внеклассное чтение! Какой непорядок! Не говорим уже о неграмотности его предложения («следовало... ученику вопросы»), странной в устах преподавателя словесности и директора школы.

Впрочем неграмотными и неряшливыми оборотами это письмо изобилует. Например: «Литературный кружок десятого класса активно работал, надо об этом было поинтересоваться Печаяева прежде всего в беседе с преподавателями, чего сделано не было».

Немудрено, что из 24 учеников **каких** учителей восемь получили «спосредственно» и трое — «сплохо».

Замла на экзамене речь о Чехове. «Когда ученица, — пишут Лавров и Паньков, — отвечала о литературно-специальных особенностях Чехова: пейзаж, звук и свет, лейтмотивы, оправданность деталей, лирические конюшки и пр. (см. Абрамович и Брайнина. Русская литература, ч. II, учеб. IX класса, изд. 3, 1937, стр. 195), — ассистент проищически резко обрывает: «Для вас (т. е. для преподавателя и ученика) это понятно, для меня непонятно...»

Признаемся, что и на нас эта характеристика пса Чехова производит впечатление тяжелой бедливости.

Чувствуя шаткость своего опровержения, Лавров и Паньков делают глупую и скверную попытку «пришить» В. Печаяеву политическое обвинение. В конце своего письма они называют ее отчет «скверной на нашу бодрую, добросовестную и способную советскую молодежь и учителя».

Смотрите, с какой грабозной неприязненностью учитель Лавров распространяет высокие качества советской молодежи на собственную персону!

Грубая демагогическая спекуляция именем советской молодежи не может скрыть того факта, что эту молодежь в 60-й школе обучают литературе неряшливо и бездарно.

Плохо, Лавров и Паньков! В русский язык — плохо, и поведение — плохо!

Л. ИСАЕВ

В МИРЕ КНИГ

12 МОЛОДЫХ АВТОРОВ

В издательстве детской литературы вышел сборник стихов 12 молодых авторов под редакцией А. Барто. Большинство из них впервые в печати впервые. Сборник детские стихи свежие и непосредственные. Вот, например, небольшое стихотворение И. Артюховой «Три слова».

Пахнут белые ромашки,
И лежу на берегу.
Ходят белые барашки
За рекою, на лугу.
А над ними, над ромашкой,
В синем небе там в туть
Тоже белые барашки
Потихонечку идут.

А под ними, будто в яме,
В глубине, на самом дне,
Вверх ногами, вниз рогами,
Третье стадо видно мне.

Сборник — конкретный результат плановой работы с молодыми авторами, организованной сейчас в Детиздате. Здесь работают две группы — одна под руководством Ады Чумаченко и другая — под руководством А. Барто.

Работающим в этих группах молодым авторам не только оказывают творческую помощь, но для них сейчас организованы лекции по теории и истории литературы и общественно-политическим дисциплинам. Устраиваются также творческие встречи с детскими писателями, — встречи состоялись с С. Маршаким, Л. Кассилем и Е. Благиной.

В основном участники сборника — члены группы молодых писателей, которые творчески руководит А. Барто. Исключением составляют В. Кузнецов и Е. Станет. Их стихи приплыли в Детиздат «самостоятельно» и были отобраны редактором сборника.

В Кузнецов прислал свои стихи «Бавар» из Челябинска, сейчас эта сказка вышла отдельным изданием на Урале.

Е. Станет — начинающая сибирская поэтесса — ее стихотворение «Медведица», помещенное в сборнике, перепечатано в «Сибирских огнях».

Из участников сборника А. Створачик ранее печатался в «Крокодиле». В сборнике он дебютирует тремя стихотворениями: — «Зеркало», «Письмо» и «У синего моря». Его дебют в качестве детского писателя, несомненно удачен.

С. И.

Находясь в печати также книги — сборники стихов и рассказов молодых писателей.

В школьной серии Детиздата вышел сборник стихов и песен Сулеймана Стальского. Вступительная статья к сборнику написана П. А. Павленко.

«Чужой»

13 июля вечером в театре Ленсовета состоялся премьерный спектакль по пьесе В. Соловьева «Чужой» («Семейная хроника»). Пьесу поставила режиссер Страдомская, художник — Кноблок.

В Ленинграде сейчас ставится в театре под руководством Радлова, режиссер — Головинская. Премьера спектакля в Ленинграде — в начале сезона.

Пьеса «Чужой» принята к постановке театрами Киева, Харькова, Баку и т. д.

«В ПОИСКАХ ГЕРОЯ»

Так называется книга литературно-критических статей А. Гурвича.

В книге — статьи о пьесах В. Гусева «Слава» и А. Афиногенова «Далеко». Обе статьи датированы началом 1936 г.

В книгу вошли также статьи о писателях — А. Платонове (1937 г.), Ю. Олепе (1934 г.), И. Эренбурге (1935 г.).

Две последние статьи книги написаны о пьесах Н. Погодина.

Цена книги непомерно высока: при 20 авторских листах и четырехтысячном тираже цена установлена в 12 р. 60 к. Дорого!

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Детиздат выпустил два произведения М. Ю. Лермонтова — «Герой нашего времени» и «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». Первая книжка вышла в роскошном издании, с иллюстрациями художника М. А. Зичи. Внешнее оформление книги художника Н. В. Ильина. Цена книги — 15 руб.

«Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» выпущена в популярной серии «Книга за книгой».

Кроме того, Детиздат выпускает избранные произведения М. Ю. Лермонтова в двух томах, под редакцией и с примечаниями М. В. Эйхенбаума. Уже вышел первый из этих томов.

ОДНОТОМНИК А. П. ЧЕХОВА

В издании Детиздата вышел одностомник произведений А. П. Чехова в столичном тираже. В одностомник вошли избранные рассказы и повести А. П. Чехова, а из драматических произведений — «Свадьба» и «Вишневый сад». В предисловии даны отрывки из записной книжки и дневника А. П. Чехова и его шуточное стихотворение «Басня».

Автор биографического очерка и комментариев А. Роскин. Налан одностомник тщательно, цена 6 рублей.

ХРОНИКА

Харьковское областное правление Союза советских писателей Украины постановило отменить прежнее решение об исключении А. Полторацкого и восстановить его членом Союза писателей.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: В. СТАВСКИЙ, Е. ПЕТРОВ, В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, Н. ПОГОДИН, О. ВОЙТИНСКАЯ,

Писатели-пропагандисты

Выборы в Верховные Советы союзных и автономных республик закончились полной победой сталинского блока коммунистов и беспартийных. Подготовка к выборам прошла под знаком невиданной активности широких масс трудящихся.

Во время выборной кампании вышли по-настоящему хорошие стихи Джамбула, В. Лебедева-Кумача, Сергея Михалкова, М. Исаковского. Редко кто из поэтов не откликнулся на это великое событие в жизни нашего народа. В дни выборной кампании поэты выступали со своими стихами на многотысячных народных митингах, на собраниях, выступали с эстрады, с агитмашины, перед микрофоном радиостудий — везде, где только были слушатели. Писатели и поэты были желанными гостями в любой аудитории, на любом избирательном участке, в любом избирательном округе. Их приглашали красноармейцы, колхозники, рабочие.

Летний театр Фрунзенского парка культуры и отдыха. Зал переполнен. В дверях давка, театр не может вместить всех желающих попасть туда. На сцене В. Лебедев-Кумач, А. Жаров, С. Васильев, К. Симонов, Д. Атаузов, Е. Долматовский. Они читают стихи о товарище Сталине, стихи о советской родине, о большевистской партии. Люди в зале сидят как, дзв, три и готовы слушать еще и еще.

Колхозники Старо-Подольского избирательного участка перед выборами специально ездили в Москву, были в составе писателей, в партию — просили, чтобы к ним приехали писатели. Пять товарищей из агитколлектива 12-го избирательного участка Герценовского округа откликнулись на это приглашение.

Вот огромный зал Военно-политической академии. Выступают А. Новиков-Пробой, Ф. Гладков, В. Лебедев-Кумач и другие поэты. Каждого встречают тепло и внимательно.

Но участие писателей в выборной кампании далеко не исчерпывается выступлениями такого рода. На избирательных участках Герценовского округа вокруг доверенных созданы крепкие агитколлективы. Они состояли почти исключительно из писателей, — партийных и беспартийных. Это были коллективы, которые вели пропаганду и агитацию за кандидата сталинского блока коммунистов и беспартийных — молодого советского ученого, профессора математики Сергея Львовича Соболева.

Агитаторы — З. Чалая, Ю. Либендинский, Г. Санников, Е. Долматовский, С. Васильев, М. Пасынок, В. Гольцов, В. Гроссман и многие другие — работали активно и успешно.

За два месяца на двух избирательных участках было проведено более 50 экскурсий в музеи, по Москве, по канал Москва—Волга и т. д. Было устроено около 20 участковых литературных вечеров, на которых всегда было очень много слушателей, выпущено 38 стеновых газет, на участках регулярно работало 53 кружка по текущей политике, по изучению Сталинской Конституции и избирательного закона. Занятия в кружках проходили раз в шесть дней, и почти каждое занятие заканчивалось чтением художественной литературы, выступлениями поэтов или самодельными выступлениями избирателей.

Большинство писателей-пропагандистов завоевало у избирателей полнейший авторитет и уважение. К ним нередко обращались не только по политическим вопросам, но и за различными советами бытового порядка.

Агитколлективы писателей и поэтов оказались окруженным многочисленным активом избирателей — домашних хозяйек. Они организовывали экскурсии, редактировали и выпускали стенгазеты, выступали на митингах, а некоторые руководили кружками по изучению Сталинской Конституции.

Опыт работы агитколлективов должен быть серьезно изучен партией.

СТ. ШИПАЧЕВ

Выставка художников УССР. Художник Савин — «Кармелюк».

В. СВАРОГ

Заметки художника

На днях в Москве открывается выставка произведений художников Украинской ССР, на которой представлено свыше 300 работ — живопись, графика и скульптура.

Я внимательно осмотрел работы украинских художников и скульпторов за последние год и хочу поделиться первыми впечатлениями о выставке.

Одно из лучших произведений на выставке — полотно художника В. Савина «Кармелюк». Это сложная вещь с хорошей композицией и правильным пониманием цвета.

Из других полотен обращает на себя внимание «Сбор яблок» А. Шовкуненко. Чувствуется, что художник любит и понимает цвет, краски. Хорошо сделана и картина проф. Ф. Кричевского «Веселые лодки».

Художника С. Григорьева мы знаем по его интересным картинам о физкультурниках, представленных на выставке «XX лет РККА и Военно-Морского Флота». На выставке украинского художника он показывает прекрасное полотно — «Взлетит». Рядом также картины М. Кошкина — пейзаж «Зоопарк» и его же полотно «Мать», «Юрмынский пейзаж» В. Кричевского, натюрморт «Орудия производства Стаханова» художника А. Александрова и сильная по композиции картина Ф. Сударика «Оборона Арсенала».

В картине Л. Музика «Восстание на крейсере «Очаков» чувствуется пафос, но в ней, как и в другой картине этого художника «Потопление броненосца «Свободная Россия», 1918 год, представленная на выставке «XX лет РККА и Военно-Морского Флота», заметно, что художник плохо владеет цветом. Все предметы на картине как будто расположены в одной плоскости, нет различия между первым и задним планом.

Много интересных работ представляют украинские графики. Гаровы великолепные живописные монотипии художника В. Гауза, которые свидетельствуют о его большом мастерстве. Приятны карандашные автопортреты И. Плещинского и В. Аврица.

Наряду с хорошими реалистическими картинами на выставке украинских худо-

жников есть и явно неудавшиеся работы. Непонятно, почему эти картины демонстрируются на выставке.

Вот, например, картина художника Д. Шавыгина «Около моря». На картине изображены мужчина, женщина с ребенком. Автор этой картины не чувствует, не понимает формы и цвета: на женщине красное платье, оно плохо написано. Шавыгин закрашивает платье в один цвет, забывая, что если одна часть его освещена, а другая остается в тени, то однородность исчезает. Лицо женщины в картине «Около моря» скорее похоже на известную массу. Если закрыть теневую часть лица, то открытая часть покажется куском алебаstra или мела, но не человеческого лица. В позе женщины очень много неуживчивой жеманности и наигранности. Здесь во всем следы подражания приемам французских формалистов, и при этом еще отсутствует мастерство.

К сожалению, это не единственный случай. На выставке встречается еще несколько таких картин. Вот, например, полотно М. Рыбальченко «Белые в горле». В этой картине также чувствуется влияние формализма — серые, безжизненные тона, мертвенно-бледные лица.

Из скульптурных работ прекрасное впечатление оставляет группа «Опричники» Б. Иванова. Эта скульптура экспрессивна, очень жизненна. Рамельны товарищ, которого поддерживает другой боец-матрос, захватывает рукой рану на боку. Лицо бойца выражает огромное волево напряжение. Скульптор хорошо построил композицию группы.

В скульптуре В. Циммермана «Физкультурный момент» чувствуется легкость, динамика и изящество. Нежность ее снижает несколько излишняя зализанность форм.

Монументальная скульптура проф. Г. Тенера «Товарищ К. Е. Ворошилов на коне».

Я хочу пожелать своим коллегам — украинским художникам с большим упорством овладеть мастерством формы и рисунка, проявлять повышенную требовательность к своему творчеству. Только изучая у великих художников-реалистов прошлого, мы сможем двинуть вперед советское изобразительное искусство.

Экспозиция памяти Т. Г. Шевченко

В будущем году исполняется 125 лет со дня рождения украинского поэта Тараса Шевченко. Государственный музей этнографии в Ленинграде приступил к подготовке экспозиции, посвященной памяти поэта.

Будут показаны материалы, связанные с биографией Шевченко, экзопонаты, иллюстрирующие крепостной и помещичий быт того времени.

Приобретен ряд интересных исторических документов и экзопонатов. Среди них — серебряная булава XVII века, статуэтка-

ка-кариатура периода гражданской войны, изображающая долговое оккупантов верхом на свиные, серия исторических документов. Музеем получены интересные образцы старинной украинской одежды. В числе редких вышивок — работы, сделанные женой Кочубей, Любовью Кочубей. Из села Тягичина (Херсонщина) будет доставлена каменная баба — образец старинного искусства скифо-сарматского периода. В отделе, посвященном Украине, будет несколько десятков тысяч экспонатов.

И вот в 1856 году 16-летний Писарев начинает слушать лекции на историко-физиологическом факультете по разряду общей словесности.

Идут годы... Все громче и громче гремит имя Писарева. В папках архива мы находим ряд рукописей знаменитого критика: «Мысли по поводу сочинений Марко Вовчка», «Белая русская мысль», «Дидро и его время», «Эдмунд Борг» и т. д. Здесь же переводы Писарева на Гейне, его переписка с И. С. Тургеневым, Н. А. Некрасовым, М. А. Марковичем (Марко Вовчок). До сих пор неизвестные письма к М. А. Марковичу охватывают тот период, когда Писарев после нескольких лет заключения вышел из Петропавловской крепости. Вскоре, 4 июля 1868 г. (ст. ст.), в Дубельне Писарев вступил.

Листок писем бумаж Карандашом, рукой Некрасова, написано: «Не ридай так безумно над ним, Хорошо умереть молодому!»

Русский геней изавина венчает Тех, которые мало живут. О которых народ замечает: «У счастливого недруги мрут, У несчастного друг умирает...» Это черновик знаменитого стихотворения, названного смертью Писарева и посвященного Некрасовым М. А. Марковичу.

Письма Д. И. Писарева родным, к Л. Н. Майкову и М. А. Маркович публикуются во втором томе «Литературного архива». Книга уже слана в печать.

Ю. ИС.

РУКОПИСИ И ДОКУМЕНТЫ Д. И. ПИСАРЕВА

ЛЕНИНГРАД, 14 июля. (По телефону от наш. корр.) В Институте литературы Академии наук СССР хранятся материалы о Д. И. Писареве. Рукописи, документы, написанные на гербовой бумаге и скрепленные сургучной печатью, — все это страницы короткой жизни великого русского критика и публициста.

В картонную папку бережно уложено свидетельство о рождении в 1840 году Дмитрия Ивановича Писарева. В другой папке — дневник десятилетнего Писарева, записывающего на страницах какой-то прихоро-расходной тетради свои впечатления о виденном и слышанном. Этот дневник велся сперва по настоянию матери, которая прочитывала записи и карандашом делала стилистические поправки. Но «материнский карандаш» видел лишь в первых трех страницах. В дальнейшем Писарев вел свой дневник самостоятельно, ровным четким почерком испещряя расчерченные красными линиями страницы и почему-то рисуя на полях осли и те же домики.

Никогда еще не публиковались письма Писарева к родным, охватывавшие важнейшую известную часть его биографии. История этих писем такова: во время одного из приездов Писарева домой на каникулы мать заставила его переписать в особую тетрадь свои письма из Петербурга; каникулы кончились, Писарев уехал, но тетрадь продолжала аккуратно переписывать в ту же тетрадь письма своего сына. Бесценная для биографов тетрадь с письмами (они написаны на французском языке) хранится сейчас в архиве Института литературы.

Другая тетрадь — гимназические сочинения и переписка Писарева. Здесь мы находим и исторический очерк «Алкивиада» в «Рассудком» Гюго, и переписку «Дядя Домб», и первые беллетристические опыты — «Летний вечер», «Мещин» (из испанской жизни), «Первый урок за азу-

Литературная газета 6 № 39